

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

Александр Тамочиков

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Подземная война

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Подземная война / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-115934-4

1944 год. В только что освобожденной от фашистов Одессе один за другим совершаются крупные теракты: неизвестные взрывают электростанцию, убивают начальника секретной части штаба округа, расправляются с офицерами контрразведки... Бандиты действуют по хорошо продуманному плану и явно имеют осведомителя среди оперативников. Найти и обезвредить банду поручено опергруппе майора СМЕРШ Алексея Лаврова. В ходе операции он выходит на ложный «партизанский отряд», скрывающийся в городских катакомбах. Майор понимает, что перед ним не шайка недобитков, а хорошо подготовленные абвером диверсанты, которые будут драться до последнего...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115934-4

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Александрович Тамоников

Подземная война

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

– Жаркий денек сегодня, Егор Филиппович, словно и не май на дворе... – Подтянутый капитан в общевойсковой форме обвел взглядом кабинет. Любителем чистоты и порядка его хозяин явно не был.

За окном второго этажа гудело шумное хозяйство – автобаза № 3 города Одессы. Ругались рабочие, активно используя возможности русского языка, сновали полуторки и шестиколесные «ГАЗ-ААА». Упрямо не заводился отслуживший свой век самосвал, отчего комментарии шоферов становились жестче и образнее.

Капитан плавно прикрыл дверь. Со стен живописно свисали лохмотья штукатурки, в углу стыдливо пряталась паутина. Но портрет отца народов присутствовал на видном месте – с него регулярно стирали пыль.

За столом сидел директор автобазы товарищ Калымов – грузный субъект в жилетке и пиджаке, обмахивался сложенной газеткой. Май 1944 года на юге страны выдался жарким, и не хотелось гадать, каким будет лето.

Директор оторвался от бумаг, удостоил посетителя небрежным взглядом: мол, вы таки по делу, товарищ, или просто гуляете?

– Капитан Огаревич, – представился посетитель. – Сигнальчик поступил по вашу душу, Егор Филиппович. – Капитан откашлялся, сделал несколько шагов. Поскрипывала кожа сапог.

В глазах директора автобазы блеснула тревога. Он нахмурился, отложил газетку, по сморщенному лбу поползла капля пота, преодолела переносицу, перебралась на прыщеватый нос. Директор раздраженно смахнул бусинку пальцами.

– По мою душу сигнальчик, уважаемый? – Директор автобазы сглотнул. – О чем вы, позвольте спросить?

– Не конкретно по вашу душу, – поправил капитан. – К вашей душе претензий не имеем – вы ответственный, добросовестный товарищ, имеющий неоспоримые заслуги перед Родиной. Не волнуйтесь, все в порядке, – капитан сухо улыбнулся. – Мы не собираемся доставлять вам неудобства, обычная проверка. Позвольте присесть?

– Да, конечно... – Калымов вздрогнул и облизнул губы. От внимания капитана не укрылось, как он облегченно вздохнул – обычная реакция любого советского человека. Огаревич с удобством устроился на стуле, уставился в открытое окно.

Автобаза располагалась на улице Кожихинской, в двух шагах от Воронцовки и железной дороги. Предприятие было солидное, автопарк насчитывал тридцать транспортных средств специального назначения: вездеходы, бульдозеры, самосвалы. Освобожденной от оккупантов Одессе это требовалось как воздух, техника работала на пределе, остро ощущалась нехватка запчастей.

– Прощу прощения, товарищ капитан... В каком, говорите, ведомстве вы служите?

– Пока не говорил. – Капитан извлек из нагрудного кармана красное удостоверение. Тисненые буквы извещали недвусмысленно: «НКЮ, Главное Управление контрразведки СМЕРШ», Капитан Огаревич, оперативный отдел. – Посетитель закрыл корочки и убрал в карман. – Да вы не волнуйтесь, Егор Филиппович, повторяю, это обычная проверка. Поступил сигнал – мы обязаны среагировать.

Но директор автобазы не мог не волноваться. Он снова потел, делал страдальческую мину, пытался ее стереть, но лицевые мышцы не слушались. Военную контрразведку боялись все – и штатские, и военные. Репутация учреждения бежала впереди его конкретных дел.

– Я не понимаю... Может, объясните? Мы ничем таким не занимаемся, четко выполняем все постановления горкома и горисполкома... Трудимся без выходных, как и вся страна... Да, бывает, техника выходит из строя, сегодня утром сломался самосвал, но где, скажите на

милость, брать запчасти? Что-то можем изготовить в своей мастерской, но далеко не все. Нам не хватает мощностей, оборудования...

– Поступил анонимный сигнал, – перебил его Огаревич. – Полагаю, его автор – работник вашего предприятия, решивший остаться в тени. Он сообщил, что в четвертом гараже имеется спуск в катакомбы и в нерабочее время его используют – наблюдается движение людей и грузов. Это происходит регулярно, как минимум дважды в неделю.

Скрипнула дверь – вздрогнул Калымов, раздраженно поморщился контрразведчик. Заглянула секретарша из приемной – ладно сбитая, с волнистыми кудряшками, далеко за сорок, но с остатками былой красоты на лице.

– Егор Филиппович, вы позволите?

– Что еще, Клавдия Игнатьевна? Не видите, я занят?

– Я очень извиняюсь, Егор Филиппович... – Секретарша мазнула любопытным взглядом посетителя. – Но это срочно, людям надо ехать, они ждут. Подпишите путевые листы и накладные на груз.

– Конечно, товарищ Калымов, занимайтесь работой, – улыбнулся капитан. – Не хочу вас отвлекать.

Но волнение не отпускало директора. Он вооружился перьевой ручкой, исподлобья уставился на секретаршу. Женщина сделала кроткое лицо, устремила к нему со стопкой бумаг. Застучали каблучки по деревянному полу. Капитан задумчиво смотрел на женские формы: неплохой, весьма неплохой тазобедренный сустав...

Калымов размашисто подписывал бумаги, отбрасывал их на край стола. Секретарша поймала листы, снова глянула через плечо – и с любопытством, и с робостью, и с какой-то затаенной надеждой. Капитан был хорош собой, а большинству женщин сейчас так не хватало мужского внимания...

– Спасибо. Егор Филиппович, прошу простить, что отвлекла... – Секретарша еще раз глянула на посетителя и удалилась, призывно покачивая бедрами.

– Клавдия Игнатьевна, распорядитесь, чтобы никто не заходил, – бросил ей в спину Калымов. – Я занят, пусть ждут.

– Конечно, Егор Филиппович.

Дверь закрылась. Директор автобазы шумно выдохнул.

– Это поклеп, товарищ капитан, иначе не скажу... Анонимный донос? Ну, конечно, у меня хватает недоброжелателей... Взять того же Сидоренко, уволенного на прошлой неделе, – осуществлял левые рейсы на своей полуторке и тщательно это скрывал. А когда поймали, начал возмущаться – дескать, родители у него больные, сестра калека... В четвертом гараже, говорите? Этой частью автобазы заведует товарищ Рыхлин, ответственный и добросовестный сотрудник, член партии, между прочим. Не думаю, что он устроил в своей вотчине что-то запрещенное, в это невозможно поверить. Лично мне об этом ничего не известно. Это правда, товарищ, я не лукавлю. – Калымов отчасти справился с собой и даже подбоченился. – Мы не занимаемся незаконными вещами. Я не спорю, возможно, в гараже и существует проход в городские катакомбы. Но вы же знаете этот город. Где их нет? Повсюду эти лазы, шахты. Вы вспомните, как строилась Одесса. К тому же наши здания возведены из ракушечника, а это значит, каменоломни в районе более чем вероятны, не вижу в этом ничего необычного...

– Что скажете про товарища Рыхлина?

– Старательный, порядочный работник. Характер крут, прогулов и пьянства не терпит, держит работников в узде. Воевал до 43-го года, но зимой застудил легкие и был комиссован. Местный житель, проживает на Складской улице...

– Позвольте осмотреть гараж?

– В чем вопрос, товарищ капитан? Можете это сделать прямо сейчас, я прикажу оказать вам помощь. Вы... один будете осматривать? – Директор автобазы растерянно заморгал.

– Со мной два красноармейца, они на улице. Скоро подъедут другие члены опергруппы – их задержали дела.

– Как скажете, товарищ, готов оказать нашим органам всяческое содействие.

Капитан поднялся, хрустнули коленные суставы, подошел к окну. Во дворе было людно. На площадке перед гаражом стоял мощный четырехосный грузовик ЯГ-12, переделанный в самосвал. Машина смотрелась неважно. Эти монстры выпускали в начале 30-х годов. Данный экземпляр насквозь проржавел – особенно двери кабины и колесные диски. В машине копались механики. Крышка капота торчала в небо под углом сорок пять градусов – словно ствол зенитки. Над въездом в гараж № 1 алел транспарант: «Все силы тыла – на помощь фронту!» Облезлые ворота украшал плакат, изображающий женщину с мужественным лицом и пачкой лотерейных билетов. За спиной гражданки скакала кавалерия и летели истребители. Рисунок сопровождался надписью: «Приобретайте лотерейные билеты! Участием во второй денежно-вещевой лотерее поможем фронту!»

Калымов поднял трубку перемотанного изоляцией аппарата, заскрипел диск.

– Кому-то звоните, Егор Филиппович? – шевельнулся Огаревич.

– Так это... Рыхлину и звоню, – смутился Калымов. – Чтобы ждал и не удивлялся, когда подойдут ваши люди...

– Егор Филиппович, вы в своем уме?!

– Простите, а что не так? – Директор автобазы искренне не понимал, в чем дело, но трубку повесил. – Наверное, я не совсем понимаю...

– Так и есть, Егор Филиппович. Давайте пока не делать необдуманных движений. Повторяю в третий раз, лично к вам у органов претензий нет. Давайте подождем, пока подъедут наши сотрудники. Уверен, они уже в пути. Сколько человек трудится на автобазе, товарищ директор?

– По штату 94 человека – включая бухгалтеров, чернорабочих, подсобный персонал...

– Чем конкретно занимается автобаза?

– Перевозкой грузов, товарищ капитан, чем же еще? – Калымов склеил неуверенную улыбку. – Выделяем автотехнику по распоряжению горисполкома – на стройки для доставки цемента и прочих стройматериалов; для перевозки продуктов, других грузов, выделяем технику для элеваторов и совхозов, для сноса поврежденных зданий, рытья котлованов. Наша автобаза – крупнейшая в Одессе и многофункциональная, так сказать... – Директор явно гордился своим детищем. – Предприятие сформировано на базе старого сразу после освобождения города. При немцах и румынах сюда свозили поврежденную технику, пытались чинить, а если не удавалось, снимали узлы, агрегаты, разбирали на запчасти. Работали наши... – Калымов споткнулся. – Ну, а что им оставалось? Велась мобилизация гражданского населения, немцы расстреливали непослушных. А у людей семьи, их надо чем-то кормить...

Огаревич поморщился. По сотрудничеству с нацистами население Одессы побило все рекорды.

– Вы тоже работали на немцев?

– Боже упаси, товарищ капитан, – голос директора зазвенел от возмущения. – Да чтобы я прислуживал фашистам – где вы такое видали? Я в город прибыл 12 апреля с первой волной вернувшихся из эвакуации. Нас в Николаеве временно размещали, там и получил назначение – совместно с личной просьбой заместителя первого областного секретаря товарища Кубасова! – Калымов задрал нос и подкрутил усы, которые прежде безжизненно висели, напоминая сосульки. – До марта 42-го года я находился в действующей армии в должности заместителя начальника штаба автомобильного батальона. В атаки, возможно, и не ходил... Возраст, знаете ли, под полтинник катило, занимался технической частью – кто-то ведь должен? Получил осколок в ногу под Сталинградом – под обстрел попали. Вытащили, прооперировали, но, увы, нога осталась ущербной. Списали, в общем, с довольствия, в Липецк отправили – заведовать

гаражом первого секретаря областного комитета, туда и семью перевез из Курска. Потом новое назначение – Новороссийск, Николаев, в порту работал, руководил загрузкой и отгрузкой...

– Понятно, Егор Филиппович. – Огаревич отвернулся от окна. – Вы продолжаете нервничать, а ведь ничего ужасного не происходит. Если ложный донос – мы разберемся. Могу я ознакомиться с личным делом товарища Рыхлина? А также со схемами и чертежами четвертого гаража, включая коммуникации?

– С личным делом, извиняюсь, не ко мне, а в отдел кадров... – Калымов выбрался из-за стола и, прихрамывая, направился к застекленному шкафу, набитому папками. – А вот насчет схем и чертежей сейчас посмотрим...

Стекло сопротивлялось, пришлось приложить усилие, чтобы отодвинуть. Ворча под нос, Калымов ковырялся в папках, вытащил одновременно несколько штук, ладонью смахнул пыль.

– Сами полюбуйтесь, товарищ капитан, что здесь творится. Не хватает времени привести в порядок документацию. Людей мало, а это надо сутками сидеть. Немцы, кстати, архив не тронули, им даже жечь это было лень – стащили под лестницу и бросили. Все пылью покрылось за два половиной года. А мы собрали и обратно затолкали... Вот, пожалуйста, это то, что вам надо...

Капитан подошел, чтобы взять документы. Удар был внезапный, такого точно не ожидаешь! Нож Калымов держал под папкой. Тонкое лезвие вошло в живот, провернулось. У капитана перехватило дыхание, обмякли ноги. Перед ним стоял уже не трусоватый, неуверенный в себе директор. Калымов окаменел, глаза источали холод. Заскрипели зубы, нарисовалась кривая ухмылка. Лезвие разрывало внутренности. Текла кровь, но на убийцу не попадала – он выбрал правильную дистанцию. Огаревич хотел что-то сказать, но кровь пошла горлом. Глаза с ужасом смотрели на убийцу. Ноги подкосились. Калымов выдернул нож, схватил капитана за ворот гимнастерки, придержал. Нога у директора действительно побаливала. Тело жертвы еще дрожало, Огаревич откинул голову, сжимал кулаки – словно приказывал себе остаться в живых. Но глаза затягивала поволока. Калымов угрюмо смотрел, как человек расстается с жизнью. Контрразведчик застыл, кровь сочилась из уголков рта. Калымов досадливо сплюнул:

– Эх, осложнил же ты нам работу, капитан... Кто же та сволочь, что на нас накапала? Хорошо еще, что вы работаете безграмотно...

Он схватил покойника за шиворот, оттащил за шкаф, перевел дыхание. На полу остались разводы, да бес с ними, стол загораживал... Скрипнула дверь, всунулся худощавый мужчина с белесым лицом.

– Я зайду, Егор Филиппович? Чем занят?

Директор выглянул из-за шкафа. Вот так и проваливаются даже самые опытные из агентов!

– Не зайдешь, Петр Евсеевич, – проворчал он. – Выйди, пожалуйста, если не сложно!

– Да ладно, чего ты такой нервный? – Мужчина недоуменно пожал плечами, собрался сделать шаг, но не решился – слишком свирепо выглядел директор. – Слушай, а чего ты там делаешь за шкафом?

– Тараканов развожу, – огрызнулся директор. – Не обращай внимания, новость недобрую с фронта получил... Слушай, Петр Евсеевич, давай, ты сейчас выйдешь, а позднее я тебя вызову, добро?

– Как скажешь, Егор Филиппович, ты только не переживай так сильно... – Посетитель попятился.

– Клавдия Игнатьевна, я же сказал никого не пускать! – прокричал директор. – Вам непонятно слово «никого»?

– Егор Филиппович, так это же Петр Евсеевич... – жалобно отозвалась секретарша. – Его ведь и гаубичный огонь не остановит...

– Зайдите, Клавдия Игнатьевна!

Что-то не понравилось секретарше в этой обыкновенной просьбе. А как же посетитель в погонах? Офицер не выходил из кабинета. Поколебавшись, она заперла дверь из приемной в коридор. Потом вошла в кабинет, ступая вкрадчиво, как лиса. Калымов исподлобья глядел на сотрудницу – словно боксер, поджидающий соперника. Секретарша обогнула стол, мрачно уставилась на мертвое тело. Привлекательное лицо превратилось в маску. Побелела челюсть. Женщина подняла глаза, вопросительно уставилась на руководителя.

– Объяснения последуют, Егор Филиппович? – голос ее просел, источал прохладные нотки. – Вы понимаете, что это никуда не годится? Вы ставите под удар не только нас с вами...

– Это СМЕРШ, моя дорогая, – перебил Калымов. – Кто-то настучал, отправил анонимный донос. Интересуются четвертым гаражом. Наше счастье, Клавдия Игнатьевна, что это только праздный интерес, подобных доносов у них тьма. На этот раз они попали и сами этого не поняли. Черт... – Директор окаменел, побелели скулы.

– Нам придется увольняться? – прохладно усмехнулась женщина.

– Вы правы, люди видели, как капитан заходил в мой кабинет... По его словам, скоро подъедет остальная группа. Не исключено, что уже едут...

– Он прибыл не один, – напомнила женщина. – На улице курят два солдата. По третьей папиросе курят.

– Откуда знаете? – вздрогнул Калымов.

– Окно в приемной. Сверху все видно.

– Надо уходить. Как же это некстати... Две минуты на сборы, Клавдия Игнатьевна. – Директор впился тяжелым взглядом в помощницу.

– А гостя оставим? – Клавдия Игнатьевна выразительно кивнула на тело. – Не находите, что это несколько безрассудно? Его обнаружат очень быстро.

– Вы правы, нужна фора... Придется рискнуть, Клавдия Игнатьевна. Быстро вызывайте Рыхлина и Штыренко, пусть бросают свои дела, если не хотят угодить в застенки СМЕРШ. Разыграйте спектакль, придумайте что-нибудь, у вас же неиссякаемая фантазия, душечка...

Спектакль состоялся через три минуты. По второму этажу административного здания разлетался свирепый рык директора: «Клавдия Игнатьевна, я вас уволю к чертовой матери! Посмотрите на ковер в кабинете! Он прогнил, съеден тлей, в нем вскрылось тараканье гнездо! Быстро унесите эту гадость, пока мы все не заразились! И чтобы сразу постелили новый!» Прибежали двое в кепках, в поношенных пиджаках, влетели в кабинет директора. Из отдела кадров, расположенного через коридор, высунулись обеспокоенные женские лица. Начальство явно не в духе. Возможно, это связано с визитом стройного капитана? Последний, видимо, ушел – не мог Егор Филиппович в его присутствии устраивать такой разнос.

Секретарша бормотала слова оправдания, потом сама сорвалась: «Егор Филиппович, я вам что, дезинфектор? Сами виноваты, зачем перевернули ковер? Под ноги смотреть надо, когда спотыкаетесь!» Ковер был действительно не новый, истоптан еще до войны, да и оккупанты постарались. Мужики вынесли в коридор свернутое в рулон четырехметровое ковровое изделие – оно изрядно весило, тащили с трудом. С изнанки ковра сыпалась труха, пыль стояла столбом. Захлопнулась дверь отдела кадров. Прижалась к стене оробевшая бухгалтер с папкой. «Эвакуируемся, Нина Петровна, – пошутил работник, – помочь не хотите?»

Ковер с трудом вынесли на лестницу. Там пришлось его кантовать, пространство было узким. Мужики отдувались. Пожал плечами инженер, прошмыгнувший мимо: и вправду, такой тяжелый?

Ковер вынесли на крыльцо, положили, чтобы передохнуть. У входа скучали два красноармейца из роты НКВД по охране тыла действующей армии. Курить уже не могли, ждать надоело. Начальство задерживалось. Но на то оно и начальство – может, его директор чаем с сухарями потчует? Они равнодушно смотрели на ковер, зевали.

Отдышавшись, мужики снова взялись за поклажу, потащили ее за угол. Бойцы проводили их глазами.

Во дворе царил рабочая атмосфера. Самосвал завелся, но быстро заглох. На заднем дворе было тихо. Пространство ограничивали бетонный забор и глухая стена здания. Здесь копился мусор, стояли полуторка без колес и хлебная будка на шасси «ГАЗ-АА». Машина работала, директор держал ее на всякий непредвиденный случай. Ключ от зажигания хранился под водительским сиденьем.

Ковер опять положили на землю. Плечистый малый с развитыми скулами распахнул двустворчатые двери фургона. Ковер приподняли и прислонили к бамперу. Задний двор был пуст. Мужики переглянулись, скуластый сделал выразительный знак. Второй был сухощав, моложе первого, над носом, как у неандертальца, нависали надбровные дуги. Но умственные способности это не умаляло. Он понял, кивнул и засеменял обратно за угол.

Во дворе ничего не менялось, трудились люди, дрожали проржавевшие борта самосвала. Красноармейцы опять достали папиросы. Пошучивал ефрейтор с рыжеватой щеточкой усов: дескать, если долго кого-то ждешь – закури, и тот сразу придет. Но данное правило сегодня не работало.

– Мужики, помогите, – взмолился худощавый субъект. – Все равно без пользы стоите. Не можем ковер затолкать в фургон – громоздкий он... Минутное дело, мужики. Все равно ваш капитан чай гоняет с нашим директором, не скоро еще спустится...

– Ну, пойдем, раз вы такие немощные... – Усатый ефрейтор поправил ремень висящего на плече ППШ и зашагал за угол. Второй засеменял за старшим товарищем. Плечистый малый пытался приподнять край ковра, чтобы затолкать его в фургон, тяжело отдувался.

– Да вы и впрямь мало каши ели, – засмеялся ефрейтор. – А на вид не скажешь. Тут и баба в одиночку справится.

– А ты попробуй, подними, – обиделся плечистый. – Плотный, зараза. До войны с Самарканда привезли – дружок у тогдашнего директора работал на ковровом заводе. Знаешь, какой здоровый, если расстелить? А у нас уже руки отнимаются, такую даль тащили. Я внутрь залезу, а вы снизу подавайте, добро?

Скуластый вскарабкался в будку. Военные подняли край ковра, продвинули вперед. Изделие со скрипом проехало по полу, уперлось в передний борт.

– Да, тяжело, – согласился ефрейтор. – Что там у вас?

– Труп вашего капитана, – признался второй работник автобазы. Солдаты неуверенно засмеялись. Ефрейтор осекся, встретившись с холодным взглядом. Удар ножом в живот подкинул бойца, он икнул, схватил за руку своего убийцу. Тот выдернул нож, ударил еще раз в то же место. Бил мастер – знал, как быстро умертвить человека. Второй распахнул глаза, скинул автомат с плеча, но скуластый в фургоне упал на колени, схватил бойца сзади, сдавил шею предплечьем, а когда тот задергался, полоснул бритвой по горлу. Убийцы спешили – в любую минуту мог заглянуть посторонний.

Скуластый втащил в машину окровавленного рядового – ноги, обутое в стоптанные сапоги, безвольно волочились по полу. Он бросил тело на ковер, выпрыгнул из машины. Второго схватили за конечности, раскачали и забросили в кузов. Туда же полетели автомат и солдатская фуражка.

За углом ревел, как мастодонт, самосвал – починили-таки умельцы.

Один побежал в кабину, запустил двигатель, другой запер двери, присоединился к общнику. Хлебная будка повернула за угол, оставляя за собой угарную двуокись...

Глава вторая

Сотрудники 3-го отдела подтянулись только через сорок минут. День выдался суматошный, занимались кучей дел одновременно. К тому же прибыл новый начальник отдела. Пока знакомились, пока он присматривался к подчиненным – прошло еще время.

Спыхватился капитан Казанцев – ладно сбитый, осанистый оперативник: что-то Володька Огаревич с автобазы не отзвонился! Обещали туда подъехать, но вся эта свистопляска...

Новый начальник оперативного отдела майор Алексей Лавров – русоволосый, с бледноватым лицом, 33 лет от роду – поневоле насторожился. Донос, по-видимому, ложный или ошибочный, но очень уж события, в нем описанные, ложились в канву его дела.

На майора смотрели с опаской – никто не знал, как будет мести новая «метла». Прежний начальник отдела майор Котляр погиб неделю назад, когда зацепил ногой растяжку в подвале заброшенного здания. Опытный человек, а вот попался. Майора собирали по кускам, и санитары были крайне недовольны – обычно они имеют дело с целыми телами, а не с наборами запасных частей. Остальные успели выбежать, здание обрушилось. Контрразведчиков едва не заманили в ловушку.

– Что там с вашей автобазой? – недовольно спросил Лавров. – Почему капитан Огаревич уже полдня там прохлаждается?

Объяснил лейтенант Чумаков – молодой паренек, служивший до СМЕРШ в батальонной разведке. В городе последнюю неделю участились диверсии. Пострадали несколько объектов, расстреляли патруль. Злоумышленники появляются ниоткуда, пропадают никуда. Отсюда вывод: приходят из катакомб. А это, если что, «вторая Одесса». В годы оккупации она была головной болью немецких и румынских властей, а теперь – кошмар вернувшейся советской власти. Органы получали много сигналов, в том числе и анонимных. Богата на стукачей русская земля. Или все же украинская? Это не имело значения. Анонимное письмо бросили в почтовый ящик на двери Управления НКВД. Несколько дней оно там валялось, потом, наконец, прочитали, отфутболили в СМЕРШ. Капитана Огаревича ранее назначили временно исполнять обязанности начальника отдела.

– Такой человек, сам все делает, товарищ майор, – объяснял Чумаков. – Другим не доверяет. Считает, что, если хочешь добиться результата – сделай сам. В кляузе написали, что в 4-м гараже автобазы на Кожихинской по ночам мышкают люди, пользуются лазом. Очевидно, писал работник того же предприятия, но не хочет светиться. А может, начальством обижен – решил отомстить. В общем, походило на пустышку. Огаревич послал нас по делам, попросил позднее подтянуться...

– Попросил? – не понял Лавров.

– Приказал, – смутился Чумаков. – Он, это самое, товарищ майор, такой человек... Не научился еще командовать, да и понимает, что временно сидит на начальственной должности. Никто же не знал, что майор Котляр вот так возьмет и погибнет. А кого вместо него? Казанцева? Так он точно не командир...

– Странные дела в отделе, лейтенант, – покачал головой Лавров. – Удивляюсь, как вам еще удастся кого-то ловить и устранять. Что уставились волками, товарищи офицеры? Не нравлюсь я вам? А я не червонец, чтобы нравиться. Может, исправите ситуацию, чтобы мы приятно вспоминали этот день?

Старший лейтенант Осадчий – рыжеватый крепыш с маловыразительным лицом – отыскал номер автобазы на Кожихинской улице, схватился за телефонный аппарат. Трубку не снимали, и это было странно. А если из горкома будут звонить – тоже не ответят? И ладно, если занято, а то ведь нагло игнорируют вызов!

– Давай попробую, я везучий. – Улыбчивый старший лейтенант Еременко оттер плечом Осадчего и стал накручивать диск.

Этому действительно повезло! Отозвалась сотрудница отдела кадров по фамилии Веснушкина.

– Что творится на вашей автобазе, почему никто не подходит?! Ждете оргвыводы по хозяйственной линии? Военная контрразведка беспокоит!

Гражданка Веснушкина чуть язык не проглотила. Она не знает, где все. Отдел кадров – напротив приемной, женщины слышали, как в ней надрывается телефон. Обычно отвечает секретарша Клавдия Игнатьевна – женщина ответственная и дисциплинированная, но сейчас ее нет на месте. Сотрудницы говорят, что ушла на обед. Егор Филиппович тоже вышел, но на территории его не видно, а где он есть – никто не знает. Он директор, где хочет, там и бывает. Пропускная система на предприятии – так себе, полуслепой вахтер всех пропускает и выпускает, это не режимное предприятие! Да, офицера Красной Армии с погонами капитана видели многие: пришел к директору, и они закрылись в кабинете. Сейчас кабинет пуст. На территории офицера тоже не видно. Может, ушел, но никто не заметил, как он уходил.

– А что красноармейцы, с которыми прибыл капитан Огаревич?

– Их тоже не видно. Вроде помогли погрузить ковер... Да, насчет ковра. С этим ковром сегодня была такая занимательная история!

– Гражданка Веснушкина, почему бы вам этот ковер... – Еременко обозлился, но прикусил язык.

– Не войдет, – глубокомысленно заметил старший лейтенант Осадчий.

– Гражданка Веснушкина, вы уверены, что на территории автопредприятия нет капитана Красной Армии и двух солдат? – Еременко уже не контролировал свой гнев.

Гражданка Веснушкина была уверена. Главному бухгалтеру Петру Евсеевичу понадобился директор по неотложному делу. Он пытался зайти в кабинет, но директор его выставил, попросил зайти позже. Егора Филипповича искали по всему предприятию – не нашли. Если бы на автобазе присутствовали капитан и два бойца, уж заметили бы...

– Живо на проходную, гражданка Веснушкина! Выясните, выходил ли наш сотрудник с солдатами! Я перезвоню через пять минут!

Через пять минут переполох продолжился. Вахтер подслеповат, но очертания людей различает. Люди в форме территорию не покидали. Вышли несколько работников – он их узнал по голосам, выехала полупролка на овощной склад с водителем Ануфриевым, ушла машина для перевозки хлебобулочных изделий – за рулем почему-то сидел товарищ Рыхлин...

– Ах, Одесса... – посетовал сухопарый старший лейтенант Бабич – еще один сотрудник отдела.

– Вот только не надо все сваливать на Одессу, товарищи офицеры, – проворчал Лавров. – Она ни в чем не виновата. Присмотритесь к себе и к вашей манере выполнять работу. Мало вам потерь?

Через двадцать минут группа в полном составе на двух газиках прибыла к воротам автопредприятия. Лавров был новый человек, но уже чувствовал беспокойство. Люди просто так не пропадают – тем более в ситуациях, когда можно позвонить или отправить гонца. На дребезжащей полупролке прибыло подразделение красноармейцев. Три бойца заняли проходную с приказом всех пускать и никого не выпускать, еще трое окружили четвертый гараж, поставив в тупик работающих там людей. Остальные окружили периметр, взяли под охрану здание управы. Неясное чувство подсказывало, что все эти меры – запоздалые.

Старшие лейтенанты Бабич и Осадчий, сверкая корками, вторглись в отдел кадров, где работали четыре женщины. «Военная контрразведка, боже правый, какая честь...» – пробормотала старшая. В приемной и кабинете директора было тихо и безлюдно.

– Товарищ майор, здесь кровь. – Лейтенант Чумаков сглотнул. Он осматривал кабинет. – Смотрите, вот здесь, на шкафу и за шкафом. Ее пытались смыть, но не старались, видно, времени не было – остались брызги...

Оперативники ползали на корточках, выявляя следы на стене и застекленном шкафу. В маленькой уборной с водопроводным краном обнаружили грязное ведро и скомканную тряпку – ею вытирали кровь. Остались разводы в ржавой раковине и на полу. У злоумышленников не было времени наводить порядок.

Офицеры опрашивали оробевших служащих.

Лавров отправил людей по адресам Калымова и секретарши Амусовой – но это выглядело чистой формальностью.

Выстраивалась такая картина. Прибыл с визитом капитан СМЕРШ, сидели в кабинете директора, беседовали. В приемной царил Амусова, никого не пускала. Как-то прорвался Порфирьев Петр Евсеевич – главбух предприятия, нарвался на грубость – директор возился за шкафом (возможно, оттаскивал тело, именно там нашли кровь). Потом эта история с ковром... Половина этажа слышала, как разорялся директор...

Вахтер вспомнил, как ушла на обед Клавдия Игнатьевна, как вышел Калымов, уверив работника, что через пять минут вернется.

Лавров кусал губы. Не успел вступить в должность, а уже все прахом, и репутация военной контрразведки явно не на высоте. Сотрудники опрашивали работников предприятия и вскоре выяснили, что посреди рабочего дня пропали четверо: директор Калымов, гражданка Амусова, работники Штыренко и Рыхлин, к тому же последний занимал должность начальника 4-го гаража. Механики, чинившие самосвал, видели, как Штыренко и Рыхлин вынесли из здания свернутый ковер, потащили за угол. Потом позвали солдат, скучавших на крыльце. Специально не следили, были заняты своей работой. Солдат с тех пор не видели (а если честно, они никого не интересовали). Уехал хлебный фургон...

– А знаете, товарищи... – Автослесарь в промасленном комбинезоне чесал грязными пальцами затылок. – Не мое, конечно, дело, могу ошибаться, но эти двое тащили ковер так, словно его из чугуна сшили. Или завернули в него что-то...

– Или кого-то, – убитым голосом сказал Чумаков. Офицеры нервно схватились за папиросы.

– Что приуныли, товарищи оперативники? – смерил их неприязненным взглядом Лавров. – Улыбнитесь, завтра будет еще хуже.

Одним звонком подняли в ружье районное отделение милиции. Хлебный фургон нашелся в тупике на Лазаревской улице, рядом с оврагом и мусорными свалками. Живых в машине не обнаружили, ключ находился в замке зажигания. К моменту появления милиции машину охаживали подозрительные личности, но, когда заглянули в кузов, быстро смылись.

– Вот видите, милиция работает лучше, чем контрразведка, – заметил Лавров.

«Ворчливый он какой-то, – переговаривались меж собой оперативники. – Но вроде не зверь, не лютует».

Эти люди даже не представляли, как ему хотелось дать волю гневу!

На территорию автопредприятия въехал потерявшийся фургон. За рулем сидел милиционер, с таким видом, словно нашел и вернул государству угнанный бронепоезд.

– Преступники бросили машину, товарищ майор, – отчитался молоденький лейтенант, – Машина целая, но сразу должен предупредить: в кузове... не хлеб.

Взорам предстали мертвые тела. Солдат зарезали, как свиней. Красноармейцы извлекли трупы из кузова, положили на землю. Потом достали ковер, развернули. Злобно запыхтел старший лейтенант Осадчий. Остальные отвернулись. Чумаков смахнул с глаза «соринку», сделал жалобное лицо.

– Это что же происходит, товарищ майор... На той неделе товарища Котляра потеряли, теперь – Володьку Огаревича... На фронте потери были меньше, чем в этом долбаном тылу...

– У Огаревича семья в Свердловске, – вздохнул Еременко. – Жинка такая красивая – он фотокарточку показывал, сыну четвертый год – аккурат перед войной пацана заделал... Эх, знать бы, где упасть...

– Головой надо думать, – огрызнулся Лавров, – а не тем местом, на которое падаете... А вы чего уставились? – Он резко повернулся к милиционерам. – Сами там же будете. Сегодня вы оказываете содействие военной контрразведке – ваше начальство получит соответствующее письменное распоряжение. Тела увезти в морг, изолировать персонал автобазы, особенно в четвертом гаражном блоке. И мне плевать, что у них срывается план и не сбываются социалистические обязательства! Опросить людей на Лазаревской улице – они могли видеть, куда подались душегубы!

– В овраг они подались, товарищ майор, – подсказал Бабич. – Там свалки, лесок, могут пойти в любую сторону или разделиться...

– Значит, простим им эту выходку? – Лавров просверлил глазами подчиненного, и тот пожалел, что открыл рот.

Четвертый гараж был самый невзрачный, сложен из блоков ракушечника – добывали его, по-видимому, здесь же. В гараже стояли три машины, их приказали выгнать. СМЕРШ не церемонился: любое противодействие законным требованиям, игнорирование приказов и – добро пожаловать в известный дом на Большой Приморской, куда легко войти, но трудно выйти!

Пространство очистили, посторонних удалили. Здесь же находилась ремонтная мастерская, стояли верстаки, станки – расточной, сверлильный, фрезерный, компактная гильотина, очень удобная для отрубания пальцев. Пространство замусорили сверх приличий, складывалось впечатление, что намеренно.

Люк обнаружили в дальнем углу, за штабелями пустых контейнеров и бочкотары. На куске брезента лежал разобранный двигатель. Брезент оттащили вместе с металлическим хламом, под ним вскрылась крышка люка. Петли лоснились от масла, крышка не скрипела.

Люди сгрудились на корточках, опасливо глядя в пропасть. Включили фонарь – тусклый «зайчик» забегал по заплесневелому камню, по добротной лестнице, ведущей в подземелье. Кто-то в шутку бросил: «Гранату бы туда, а потом можно заходить».

Алексей отстранил любопытствующего Чумакова, вытянул шею. Спина покрылась мурашками – мало удовольствия смотреть в бездну, которая тоже смотрит на тебя...

– Глубокая каменоломня, товарищ майор, – зачарованно пробормотал Бабич. – И лесенка добротная, для себя делали, часто спускались и поднимались. Навестим подземный мир, товарищ майор?

Алексей колебался. Не всякая ситуация требует безрассудных действий. Он не слышал, как во двор предприятия въехала черная эмка в сопровождении грузовичка «ГАЗ-4». Начальник армейского Управления СМЕРШ полковник Лианозов ворвался, как шторм: распахнутые полы форменного плаща едва поспевали за владельцем. Полковник был невысок, но широк в кости, имел массивную нижнюю челюсть и взгляд, которому бы позавидовал сам Малюта Скуратов. Оставалось лишь гадать, кто ему сообщил о событиях на автобазе.

– Товарищ полковник... – Алексей даже растерялся.

– Что, майор, не ждал? – У полковника был хриплый голос от хронического кашля. Сумрачные тени бегали по лицу, вырубленному из камня. – Что тут у вас? – Он вытянул шею, всмотрелся в черноту колодца. – Ну, собственно, то, чего и ожидали... Доложишь о первых итогах проделанной работы! Ты не стесняйся, понимаю, что первый день на новом месте...

Прозвучало, как угроза: ты не один, кандидатов хватает. Пришлось докладывать, терять драгоценное время. Услышав об очередной гибели оперативника, Лианозов скрипнул зубами – можно понять человека, опытные кадры с неба не сыплются.

– Я говорил тебе, майор, что за ошибки твоих сотрудников расплачиваться будут не только они, но и ты?

– Так точно, товарищ полковник, готов ответить за все ошибки фронтовой контрразведки. Картина ясна. Донос – не ложный, на автобазе орудовали злоумышленники, и визит капитана Огаревича стал для них сюрпризом. Возможно, этот люк – часть их плана. На автобазе действовала группа вражеских элементов, представлявших добропорядочными гражданами. Не думаю, что это уголовщина – слишком уж хитры, расчетливы, быстро принимают решения и хорошо подготовлены: убили трех человек, да так, что те и не пикнули. Злоумышленники скрылись: это директор автобазы Калымов Егор Филиппович, его секретарша Амусова Клавдия Игнатьевна, работники четвертого гаража Рыхлин и Штыренко. Мои люди будут заниматься поисками преступников, обработкой их связей.

– Наверняка остались и другие. Ты уверен, что эта четверка – вся вражеская ячейка?

– Склоняюсь к тому, товарищ полковник. Других тут нет. Объект потерян – зачем им оставаться? И не такой уж важный этот гараж, чтобы концентрировать на нем крупные силы. Но объект удобный – Рыхлин руководил гаражом, всегда мог удалить из него посторонних, да и автотранспорт под рукой, и начальство прикроет. С базы пропали только четверо – мы успели перекрыть выходы. Теоретически может остаться кто-то из сообщников, но я не верю. Противник понимает, что мы примем все меры к поиску лазутчиков, просеем персонал и вычислим врага. Так что сомневаюсь, что работа с оставшимися людьми что-то даст.

– Полагаешь, этой дыркой часто пользовались? – Полковник Лианозов задумчиво уставился на люк.

– Полагаю, это важный элемент вражеской инфраструктуры. Под землей – проход на их базу. Уверен, этот лаз не пересекается с другими ходами, которых под городом множество. И посторонние не попадут на их базу, если не знают, куда идут. Такое несложно сделать, товарищ майор, – если задаться целью. Завалить боковые проходы, выставить препятствия, ловушки...

– Согласен, – перебил начальник Управления. – Девяносто процентов, что этот лаз приведет нас к искомой банде. Разумеется, он не единственный, но нам и не нужно выявлять все ходы и выходы. Ждешь, пока я дам отмашку, майор? – нахмурился главный армейский контрразведчик. – Собирай всех людей, что у тебя есть, спускайтесь в лаз, найдите мне эту чертову базу! Ты понимаешь, что есть реальный шанс накрыть группу уже сегодня?

– Есть, товарищ полковник... – в горле пересохло – предвестие недобрых предчувствий. – Разрешите высказать собственное мнение? Прошло два часа, как Калымов и его люди пустились в бега. Они давно в катакомбах и доложили своему руководству о случившемся. По вашему, они будут сидеть сложа руки? Понимают, что мы попытаемся накрыть их, и уже приняли меры. Мы не пройдем, товарищ полковник, нас заманят в ловушку, будут потери. Нужны серьезные силы, нужны проводники, досконально знающие эти катакомбы...

– Майор, что я слышу? – возмутился полковник. – Да мне плевать на твое мнение! Согласно характеристике, ты волевой и решительный командир, всегда доводишь начатое до конца! Мне тебя рекомендовали как храброго сотрудника, не пасующего перед трудностями! И что я сейчас слышу?

– Прошу прощения, товарищ полковник, это только мнение.

– Действуй, не теряй время. Сколько у тебя людей? Пятеро, кроме тебя? Плюс отделение бойцов. Снимай всех с постов, пусть заступают милиционеры. Возьми троих из моего сопровождения и не думай, что от сердца отрываю. Запасись фонарями... ведь должны быть фонари на этой чертовой автобазе?

Первым в подземелье спустилось отделение сержанта Кучина. Фонари держали через одного. Подрагивала лестница, сваренная из стальных прутьев. Следом погрузились в катакомбы члены опергруппы, автоматчики из охраны полковника.

Прокуренным легким приходилось несладко. Пространство давило, кислород присутствовал в минимальном объеме – чем глубже опускались, тем острее ощущалась его нехватка. Свет плясал по бугристым известняковым стенам.

Одесские катакомбы были рукотворные, углублялись и запутывались столетиями. Виной всему – популярный строительный материал: «понтский известняк», ракушняк, ракушечник – как только его не называли. Добыча строительного камня под Одессой никогда не прекращалась. Порода, на которой стоит город, – окаменевшее дно древнего моря. Волны здесь плескались миллионы лет назад, давно отступили, дно превратилось в сушу, на которой и выросла Одесса.

Окаменевшие раковины моллюсков превратились в известняк. Их даже видно в толще камня – без всякого микроскопа. Из ракушечника вырезали блоки-кирпичи, ими застраивался город. Деревянных зданий было немного – леса вблизи Одессы не было, строительный материал приходилось брать за тридевять земель.

Для обжига глиняных кирпичей требовалось топливо и масса других затрат. Проще выпиливать кирпичи из ракушечника в подвале строящегося здания и без усилий подавать наверх. Так и строилась старая Одесса. Практически в каждом доме имелся вход в катакомбы. Многие уже замуровали, завалили, но проходов оставалось множество – теоретически можно было спуститься в катакомбы в любом месте Одессы и выбраться там, где нужно, – при условии что есть тропа и вам она известна.

Под землей приходилось плутать, система катакомб была разветвленной. Многие дома, благодаря пустотам под фундаментом, стали проседать, и власти ограничили выработку камня. Под центром города уже не рыли, но за границами старой Одессы продолжалась добыча – на Молдаванке, в Слободке, на Малом и Среднем Фонтанах вблизи береговой полосы...

Подвал под гаражом оказался промежуточной точкой маршрута. Его не использовали под хозяйственные нужды – пространство не позволяло. Головы уперлись в потолок, изобилующий острыми выступами. Люди теснились, наступали друг другу на пятки. Блики мутного света блуждали по полу. Охватывало волнение.

Алексей шипел:

– Всем рассредоточиться, что вы прижались друг к дружке, как страстные любовники?

– Товарищ майор, здесь еще один лаз... – сообщил тягучим шепотом капитан Казанцев. – Тоже лестница, окурки валяются... Здесь люди проходили, совсем недавно... Ящички какие-то перетаскивали, тяжелые, видать, краями глину продавили...

Не хотелось бездумно рисковать чужими жизнями. Солдаты – тоже люди и тоже имеют право еще пожить. Майор на четвереньках перебрался к лазу, осветил внутренности. Каменная лестница вела вниз. Под люком простиралась тьма. Он выдернул из кобуры ТТ, передернул затвор.

– Казанцев, Чумаков, идете за мной, да хорошо смотрите. Остальные – следом, соблюдать дистанцию...

Он опустился на несколько ступеней, осветил пространство под ногами. Лестница продолжалась, но недолго – уперлась в неровный каменный пол. Дальше двигался в темноте, считал ступени. Душа рвалась в пятки. Хуже нет, когда не видишь опасности, но чувствуешь ее всеми фибрами – тут она! Оттолкнулся обеими ногами, ушел в сторону, ударившись плечом о стену. Темнота молчала. Загорелся фонарь – одновременно плечо ощутило выступ в стене, достаточный, чтобы укрыться за ним.

Проход вел в одну сторону. Валялся битый ракушечник – впрочем, тропа между глыбами была протоптана. Шершавый потолок навис над головой, извивался волнами. В стенах зияли ниши правильной геометрической формы – из них когда-то вырезали кирпичи.

– Следующий! – бросил Алексей. – Да осторожнее, мужики, не спать! – Он продвинулся вперед, до поворота, присел у горки разбитого камня. За углом простирался затейливый коридор – такое впечатление, что стены разбухли от влаги, закруглились, как вмурованные яйца. Потолок висел, напоминая гамак, в котором кто-то отдыхает. Коридор простирался метров на тридцать, а далее снова уходил в сторону. За спиной шумели – спускались автоматчики и члены опергруппы.

– Товарищ майор, куда вы лезете? – догнал его Еременко. – Давайте мы пойдем? Не впервые в этих катакомбах, опыт наработали, а у вас его негусто.

Что правда, то правда: представления об одесских катакомбах у Лаврова имелись самые общие. В керченских катакомбах – бывал, под Николаевом – бывал...

Люди заполнили коридор, передергивали затворы. Команда продолжать движение пока не поступала, народ безмолвствовал.

– Лезут к бабе под юбку, – строго сказал Лавров. – Выбирайте выражения, товарищ капитан. Никому не лезть поперек батьки, пока не отдам соответствующий приказ.

Он вышел за угол, добрался до ближайшего выступа, присел. Подземелье загадочно молчало. Спокойствия не прибавилось. Коридор уходил под уклон, под ногами хлюпала жижа. В катакомбах было прохладно, царила невыносимая влажность. Кто-то говорил, что в подземельях под Одессой всегда одни и те же влажность с температурой – независимо от времени года: 96 % и 15 градусов по Цельсию. На глине отпечатались подошвы сапог – кто-то шел навстречу, причем не один. Тропа была истоптана. В трещине камня сиротливо валялся окурок. Алексей достал его двумя пальцами, осмотрел в свете фонаря, зачем-то понюхал. Окурок был длинный – расточительный народ, сделали пару затяжек и выбросили. Папироса «Казбек», ничего особенного, такие продаются по всему городу. Охота здесь кому-то курить – когда дышать-то нечем? Впрочем, дело привычки.

– Всем вперед. Растянуться, на пятки не наступать.

Чумаков и Еременко все-таки обогнали майора, когда он снова присел, чтобы рассмотреть следы. Подошва сапога и задник были стерты, отпечаток почти не читался. Из расщелины в стене торчал еще один окурок. На полу валялась промасленная ветошь – на ощупь и запах – оружейная смазка.

Коридор расширился, человеческий ручеек огибал разбросанные блоки известняка – их напилили давно, но весь этот материал оказался не востребован. Иногда пространство размыкалось, потолок взлетал, потом уступами спускался чуть не до пола, приходилось гнуться в три погибели. Запоминать обратную дорогу становилось труднее, но какая-то ленточка в голове змеилась.

Появилось боковое ответвление. Люди застыли, прижались к стенам. Вернулись Еременко с Чумаковым, сообщили, что правым коридором не пользуются: там крошка на полу, в которую годами не ступала нога человека. Еще один боковой проход – Алексей сунулся в него, но быстро покинул, – в трех метрах от входа был обвал. За узким коридором пространство разомкнулось. От массивной глыбы, исполосованной трещинами, разбегались два прохода – в правом весь пол был усыпан обломками. Вереница людей втянулась в левый коридор. Стены изобиловали выступами – надпиленные заготовки для кирпичных блоков, целые «волдыри», которые приходилось огибать со всей осторожностью.

Капкан замкнулся! Огонь открыли одновременно – спереди и сзади. Бурная автоматная трескотня расколола пространство. Кричали и метались застигнутые врасплох люди, падали убитые и раненые. Противник разделился – часть засела по фронту за грудой битого известняка, другие дожидались в правом коридоре, а когда весь отряд втянулся в параллельный про-

ход, выбрались из него и ударили в спину. Больших сил не требовалось, хватило фактора внезапности.

Это было форменное побоище! Лавров повалился при первых же выстрелах, откатился к стене, где имелась ниша. Вспыхнул висок от удара об острый нарост, майор временно выбыл из реальности, в глазах заметались искры, по виску что-то потекло. Огонь не смолкал, выли пули, рикошетили от стен. Выжившие с запозданием открыли огонь, кто-то успел закатиться за выступ.

В первые мгновения невозможно было понять, что происходит. Царила неразбериха. Лавров что-то кричал, срывая голос, кашлял в дыму. Он предупреждал начальство, черт возьми! В хвосте колонны надрывался Осадчий: всем в укрытия, держаться!

Лавров куда-то полз, стиснув зубы. В дыму мелькали люди, жалобно стонал и бился в корчах раненый. Люди высовывались из-за камней, посылали в темноту короткие очереди и снова прятались. Застонал подстреленный боец, отвалился от стены и распростерся на камнях, с головы слетела солдатская фуражка. Алексей схватил его автомат, приподнялся. Но тут же рухнул – над головой разлетелся свирепый рой. В тылу удалось наладить оборону – ППШ стучали дружно, матерились живые. Различались выкрики Осадчего и Бабича. Гавкали офицерские ТТ. По курсу все было сложнее, там валялись тела, двое еще подавали признаки жизни, пытались ползти. За выступом кто-то спрятался, высовывался, стрелял из пистолета. По камням стучали пули, выбивая крошку. Валялись фонари, многие еще работали, создавая жуткую подсветку. Из темноты разражались вспышки автоматных очередей.

Ругался Казанцев, пытаясь сбросить с себя мертвое тело. Стрелок за выступом оказался Павлом Чумаковым – осветилось перекошенное лицо. Лейтенант высадил последнюю обойму, прохрипел: «Еременко, прикрой!» – но никто не прикрывал. Пули стучали в сантиметре от головы, сбивали с выступа целые пласты. Лавров перекатился за неподвижное тело.

– Чумаков, ты как?

– Бывало лучше, товарищ майор... Патроны кончились, не знаю, где брать... Не выйти нам отсюда...

– К стене прилипни, не шевелись...

На другой стороне прохода имелся подобный выступ, за ним Лавров и скорчился, бил из автомата по беснующимся огонькам. За спиной хрипел Казанцев, он передвигался, согнув ноги, прижимался к стене. Оторваться от нее – значит, подставиться под пули.

– Товарищ майор, у меня граната... Это лимонка, с мертвого бойца снял...

– Молодец, давай сюда... – он изогнул руку в локтевом суставе, в ладонь улегся ребристый комок металла. Пришлось разжать левую руку. Выскользнул автомат, упал на землю, произведя самопроизвольный выстрел. Алексей прижался к шершавой стене, разжал усики, выдернул чеку. Выждал пару секунд, чтобы уж наверняка и не успели швырнуть обратно, – отправил в глубину коридора по навесной траектории. Снова вдавился в стену, заткнул уши, чувствуя, что сейчас будет что-то невероятное...

Рвануло так, что закачался мир. Взрывная волна оторвала кусок от выступа, бросила на хрипящего Казанцева. Кувыркнулся, потешно вереща, лейтенант Чумаков. По курсу перестали стрелять. Катакомбы были прочные – выдержали. В стане противника стонал раненый. Его оттащили, ноги стучали по камням. Как-то машинально отметилось: в тылу тоже не стреляют.

– Эй, на Камчатке, есть живые? – крикнул Казанцев.

– Есть немного... – отозвался Осадчий. – Пару супостатов положили, остальные ушли...

– Убедитесь, что ушли! – выкрикнул Лавров. Впрочем, не маленькие, сами должны понимать. Он подхватил автомат, оторвался от выступа, припустил по коридору, сгибаясь, как неандерталец. «Подсветка» пока сохранялась – два фонаря продолжали работать. Он добежал до угла, сел на корточки. Интуиция молчала – значит, чисто. За спиной заскрипела крошка, заметался свет по стене – подбежал Казанцев с фонарем.

– Что там, товарищ майор?

– Не знаю, Казанцев, не умею смотреть через стену... Ну что, готов к труду и обороне? Давай одновременно – три пятнадцать!

Он выбросил упругое тело за угол. Одновременно Казанцев перелетел через проход, прижался к стене. Загремели два автомата, и снова ушам стало больно. Коридор не отвечал – неприятель отступил. Казанцев поднял фонарь, осветил страшные стены, черную дыру провала по курсу. На полу отпечаталась кровавая дорожка, она убегала в темноту.

– За мной, Казанцев, малым ходом. Остальные подтянутся. Нельзя спустить им такое с рук...

Он шел, прижавшись к стене, произвел в пустоту несколько выстрелов. Снова притормозил, остановив локтем оперативника, выбил пустой магазин, ругнулся, вспомнив, что нет при себе ни подсумка, ни запасных дисков. Даже автомат не свой, а позаимствованный! Он вынул ТТ из кобуры, передернул затвор. Именно эта задержка и спасла им жизнь!

Встречу подготовили, а засада в пути оказалась лишь прелюдией! Задрожала земля под ногами, качнулись стены, короткий, но зловещий гул, словно предвестник землетрясения... Он все понял, схватил за шкирку растерявшегося капитана, что-то дико закричал. Они побежали по коридору, отбивая о стены бока.

Казанцев выронил фонарь, и все стало просто замечательно! За спиной прогремел взрыв, стали осыпаться камни, просел и обвалился потолок. Взрывная волна ударила по спинам вместе с пылью и крошкой, опрокинула, сплющила. Заломило кости, как-то подозрительно извернулась шея, а тут еще сверху навалился Казанцев, ударил по ключице прикладом. Это было незабываемо. Грохот – хоть святых выноси.

Грудную клетку невыносимо сдавило, в глазах метались искры, потом наступала полная темнота. Офицеров засыпало крошкой, они отчаянно возились, Алексей стряхивал с себя подчиненного. Тот сообразил, что от него требуется, отвалился. Рвота подступила к горлу, майора качало, он встал, держась за стену. Подбежали остальные.

– Товарищ майор, вы целы? – озабоченно просипел Чумаков.

– Да иди ты... – приступ кашля сразил наповал, Лавров кашлял и не мог остановиться, выплевывал темные сгустки. Молодой лейтенант бросился к Казанцеву, схватил за грудки.

– Вадим, ты живой?

– А без этого никак? – Капитан поднялся на ноги, оглашая пространство «старческим» кряхтением. – Паша, уйди к чертовой матери, без тебя тошно...

Они могли передвигаться самостоятельно. Крики разносились по подземелью: жив наш «новенький» майор! И Казанцев жив!

Алексей отобрал у кого-то фонарь, заковылял к обвалу, держась за стену. Сколько раз он был на волосок от смерти, ходил по самому краю – и еще один в копилку.

Решение начальства отправить людей в катакомбы было ошибочным. Враг не мог не исправить свою ошибку. Но майор понимал полковника Лианозова: возникла возможность одним махом накрыть банду. И какой же полковник упустит такую возможность? А жизни солдат вторичны – баб на Руси навалом, еще нарожают...

Подходить к завалу было опасно. Хорошо хоть потолок не обрушился по всей длине коридора. Проход упирался в груды камней, справиться с разбором могла лишь тяжелая техника.

Алексей уныло разглядывал нагромождение известняка. В голове еще шумела перестрелка, тошнота не унималась. Проход на свою базу противник закупорил надежно, и все, что было сделано ранее, стало бесполезным. Напрасно погиб капитан Огаревич, напрасно погибли люди в подземелье – а их, по-видимому, много...

Он побрел назад, уперся в мертвые тела, среди которых ковырялись немногие выжившие. Фонари пристроили на каменных выступах – освещения хватало. Потрясенный Паша Чумаков сидел на коленях, усиленно моргал, прогоняя с глаза слезу. Старший лейтенант Бабиц тщетно

искал пульс у неподвижного Еременко, заглядывал в зрачок, прикладывал ухо к окровавленной груди. Казанцев прикуривал папиросу, тряслись руки.

– Бесплезно, Петруха, – уныло бормотал долговязый Бабич. – Он целую очередь на грудь принял, после такого не выживают. Остались мы без нашего Еременко...

Счет бессмысленным смертям безобразно зашкаливал. Лавров потерянно блуждал среди тел. В отделении сержанта Кучина погибли шестеро, включая самого сержанта. У двоих – легкие ранения. Прыщавый курносый мальчишка получил по пуле в каждую ногу, истекал кровью, над ним корпели двое, затягивали жгуты на бедрах, резали суровую ткань, чтобы наложить бинты. Походные аптечки имелись в вещмешках. Из трех автоматчиков, выделенных полковником Лианозовым, уцелели двое, они сидели у стены и жадно курили, тупо таращась на мертвого товарища, у которого под головой скопилась лужа крови.

– Вставайте, бойцы, – приказал Алексей. – Обследовать правый коридор и доложить. Проявлять осторожность – эти сволочи вылезли из него, когда объявились в нашем тылу.

Энтузиазмом эти двое не горели, но ушли выполнять. Осадчий и Бабич отправились в обратный путь – вызывать подкрепление и медиков. Майор Лавров опустился на пол – не было больше сил блуждать. Злость душила – он сделал все что мог, но, как обычно, самого главного не сделал! Папироса не пошла – напал кашель, он откинул голову, совладал со стреляющей болью в виске. Уже забылось, что ударился этим местом, лопнула кожа, и если не остановить кровотечение, то станет совсем плохо...

Вернулись автоматчики, доложили о проделанной работе. Правый коридор пуст, противник ушел, сделав свое черное дело. Он тоже понес потери, пострадавших забрали с собой, вошли в один из боковых проходов и подорвали потолок. Там воняет гарью, и проход завален. Очевидно, подрывы произвели одновременно, и они слились в один. Разобрать теоретически можно, но какой смысл? Враг уже далеко, и только ему известна дорога в лабиринте.

Алексей отмахнулся: свободны. Коридор наполнялся шумом – со стороны автобазы шла подмога...

Глава третья

– Выглядишь дерьмово, майор, – заключил полковник, смерив Лаврова неприязненным взглядом. Он уже был в курсе последних событий, и стеклянная пепельница на столе неудержимо наполнялась окурками. – Ты вообще сам-то как?

– Головой ударился, – объяснил Алексей. – Жить буду. В отличие от тех... кто не будет.

– И что теперь с тобой делать? – Полковник пожирал его тяжелым взглядом – Снять тебя, едва назначенного? Под трибунал отдать?

– Воля ваша, товарищ полковник. Но, если помните, я был против немедленной операции, и даже объяснил почему.

– Значит, меня снять и – под трибунал? – Взгляд начальника отяжелел до крайности.

– Я такого не говорил, товарищ полковник.

– Ладно, черт с тобой... – Лианозов шумно выдохнул. – Допускаю, ты не имел времени подготовиться и толково провести операцию. Возможно, в чем-то ты был прав – мы с тобой поспешили, да и я погорячился. Думаешь, я черствый сухарь? – вспыхнул полковник. – Думаешь, мне плевать на жизни тех солдат?

«Думаю, да», – подумал Лавров. Но в этом не было вины полковника Лианозова. Такая сложилась система в действующей армии и всех ее «боковых побегах». Солдатские и офицерские жизни значения не имели. Ценился результат.

– Сколько человек по факту в твоём отделе?

– Без меня четверо – Казанцев, Чумаков, Осадчий, Бабич. Могло быть больше – только сегодня погибли двое, Огаревич и Еременко. Я уж не считаю майора Котляра...

– Ладно, не совести меня. Наши предположения, майор, были верны. Во всяком случае, какая-то банда, причем не уголовники, действует в городе, наводит шорох, и какие у нее перспективные задачи, боимся даже предположить. Работайте, майор. Сроки выполнения назначать не буду, чтобы не нагонять на вас дополнительный страх, но помни, что каждая минута на счету. Действуйте по двум направлениям: фиктивный партизанский отряд – это раз. События, привязанные к автобазе, – это два. Возможно, дела придется объединить. Ищите директора Калымова, секретаршу и тех двух хмырей. Отследить их связи, контакты – кто такие, как пробрались в наши структуры. Первым делом выяснить – не находились ли эти люди в период оккупации в партизанских отрядах. Если подтвердится, будет еще один шанс нащупать нашу клиентуру. Историю с побоищем в каменоломнях постараюсь замять – нам только разбирательств не хватало. Иди, работай, майор... И, слушай, сходи в медсанчасть – а то вид у тебя, прямо скажем, не боевой.

Голова трещала, как сухой валежник в топке. Медсестра в лазарете промыла рану на виске, зашила, чем-то помазала и по секрету призналась, что это самый легкий случай на текущей неделе. Обычно все сложнее – огнестрельные ранения, колотые и резаные раны, раздробленные конечности. И подобных случаев на дню – несколько десятков. Мирная жизнь в освобожденном городе – это вам не отдых на курорте.

Но голова болела, и что-то ей внушать было невозможно. Майор глотал таблетки, пил остывший чай, смотрел за окно на улицу Фасадную, где в тиши аллеи стоял невзрачный особняк, второй этаж которого занимало Управление СМЕРШ. Вывеска на двери отсутствовала, но снаружи, у ворот, где прогуливался часовой, висела табличка «Отдел вещевого снабжения» – и что это означало, не знал никто.

Посторонние сюда не совались. На первом этаже когда-то работало ателье готового платья, но сейчас витрины были заколочены, а на двери висел амбарный замок. На воротах, рядом с упомянутой табличкой, красовалось объявление для непонятливых: «Ателье не работает».

Под особняком были приличные подвалы, которые никогда не пустовали. Вход в Управление был с обратной стороны здания, где секретность обеспечивали густые каштаны и кирпичный забор. Неподалеку пролегала Дерибасовская улица, в нее втекала Ришельевская (ныне Ленина), и в голову постоянно лезла блатная песня: «Как на Дерибасовской, угол Ришельевской...»

Сотрудники отправились по делам – Лавров каждому расписал задачу и обозначил сроки. Народ был мрачен, подавлен, смотрели тяжело – шутка ли, потерять за полдня двоих товарищей, а взамен приобрести совершенно непонятного начальника. Впрочем, Паша Чумаков посматривал не так, с физиономии не сползала задумчивость – верно ли он понял, что этот майор в катакомбах спас ему жизнь?

Начальство придало группе еще одно отделение пехотинцев (смертники – высказался Бабич), у них имелся бывалый «ГАЗ-4» и строгий приказ выполнять распоряжения контрразведки. Органам внутренних дел, должностным лицам и всем сознательным гражданам предписывалось то же самое.

Оборона Одессы в 1941 году продолжалась два с половиной месяца. Немецкие и румынские войска окружили город с суши, постоянно рвались в атаки. Не одна дивизия разбила здесь лоб. Город взять не могли. Немногочисленные части Отдельной Приморской армии стояли стеной. Обороне содействовала Одесская военно-морская база, Черноморский флот. Мирные жители вступали в ополчение, возводили оборонительные укрепления. Под Одессой скопились огромные силы противника. Враг превосходил во всем – в живой силе, в вооружении. Но попытки овладеть городом разбивались о стойкую оборону.

Блокировать Одессу с моря немцам не удалось. Водным путем осуществлялось снабжение. Береговые батареи, корабли Черноморского флота поддерживали оборону огнем своих орудий. Кольцо постепенно сжималось, войска отходили, яростно сопротивляясь. В городе объявили осадное положение, возводились оборонительные рубежи. До 10 августа бои велись на дальних подступах, провалились попытки противника с ходу овладеть Одессой.

У Аджалыкского лимана морская пехота уничтожила немецкий десант – роту парашютистов в красноармейской форме. Потом в атаку пошло все, что удалось собрать противнику – 12 дивизий и 7 пехотных бригад атаковали по всей ширине фронта. Советские войска с боями отходили на новый рубеж обороны. Не было паники, самовольного оставления позиций.

Через день из Одессы на восток ушел последний поезд, и немецко-румынские войска перерезали ветку железной дороги, полностью блокировав Одессу с суши. В бой вступили последние резервы, включая суда Черноморского морского пароходства. Из местных жителей создавались истребительные батальоны, отряды обороны и даже женский оборонительный батальон числом около тысячи человек. В городе строили баррикады. Городские предприятия переориентировались на нужды обороны, производились бронепоезда, минометы, траншейные огнеметы. Именно в осажденной Одессе сконструировали знаменитый НИ-1, «Одесский танк» – фактически трактор, несуразное чудовище, исправно выполнявшее задачи на передовой.

Одесса не сдавалась. 19 августа был создан Одесский оборонительный район. К защите города привлекалось население, способное держать оружие. Из Новороссийска переправлялись подкрепления – пехота, дивизионы реактивных минометов. Врага остановили на подступах к городу. К концу сентября части Отдельной Приморской армии отступили от одесских лиманов. Начался артобстрел города.

22 сентября советские войска нанесли комбинированный контрудар в районе Григорьевского лимана. Несколько румынских дивизий были полностью разгромлены, захвачено вооружение, освобождена советская территория. Положение на фронте стабилизировалось, прекратились обстрелы порта и акватории. Приближалась зима, началась подготовка войск к долгой обороне.

28 сентября был нанесен еще один контрудар в Восточном секторе – и снова противник бежал, бросая технику. Город мог продержаться и зиму, и даже больше. Ничто не мешало вообще не отдавать Одессу. Но осложнилась обстановка на Южном фронте, требовались войска для обороны Крыма, и Ставка приняла решение перебросить войска Одесского оборонительного района на Крымский полуостров.

Но 2 октября защитники города опять перешли в контрнаступление, разгромили четыре румынских батальона, захватили десятки орудий. Каково же было разочарование бойцов, когда поступил приказ отойти на исходные позиции! Но боевой дух не утратился, и снова потрепанные войска отразили широкомасштабное наступление по всему фронту. Отход прошел почти без потерь, в условиях непосредственного соприкосновения с противником. В Крым по морю перевезли около 90 тысяч военных, 15 тысяч гражданского населения, много танков, броневтомобилей, орудий. Операция завершилась 16 октября 1941 года – из порта вышел последний транспорт и взял курс на Севастополь. Но прошел еще целый день, прежде чем противник осмелился войти в Одессу. Румыны боялись ловушек и сюрпризов. И только к вечеру неприятельские части стали растекаться по улицам города...

Больше двух месяцев Одесса сдерживала напор группы армий «Юг», отвлекала и сковывала 18 вражеских дивизий. Противник только убитыми потерял больше ста тысяч человек.

Эвакуировали треть городского населения, вывезли оборудование крупных заводов, музейные ценности, картинные галереи. Румынская армия была настолько измотана, что ее отвели в Румынию на отдых и переформирование. Советская пропаганда не лукавила: войска выполнили свою задачу: измотали противника, нанесли урон и только после этого, сохранив боеспособность, покинули Одессу...

Майор Лавров с мрачным видом перебирал сохранившиеся архивные документы, делал пометки. Два с половиной года оккупации – такое не для слабонервных. Захватив Одессу, оккупанты устроили резню – уничтожали пленных красноармейцев, коммунистов, евреев, цыган. В городе зверствовали гестапо и румынская сигуранца. Удивительная вещь – казалось, все население грудью встало на защиту города, записывалось в ополчение, сутками работало на строительстве укреплений. Откуда же взялось столько предателей и соглашателей?

Сотрудники НКВД уже месяц тонули в делах, работали круглосуточно. Фабриковать дела не имело смысла – реальные виновные были повсюду. Одеситы массово сотрудничали с оккупантами. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Одни это делали по убеждению, другие – чтобы выжить, прокормить семьи – что, естественно, не служило оправданием.

За месяц работы в освобожденном городе вскрылся некрасивый факт: проверку в НКВД не прошли 50 тысяч горожан! На допросах они мямлили, оправдывались: дескать, немцы проводили мобилизацию, а всех недовольных расстреливали. Образцовый социалистический город был отброшен в «доисторические» времена капитализма. Оккупанты приветствовали частный бизнес – открывались лавочки, рестораны, кафе, частные магазины, мастерские. Одеситов, лишенных собственности при большевиках, восстанавливали в правах. Жизнь в городе возвращалась в дореволюционное русло. В школах преподавали закон Божий, румынский язык – ведь Одесса стала частью румынского Губернаторства Транснистрия!

Часть населения жила сытно и размеренно. Но большинству досталось. Треть населения города к началу войны составляли евреи, и далеко не всем удалось бежать. Когда фашисты вступили в Одессу, в ней оставалось сто тысяч евреев. А когда войска 3-го Украинского фронта выбили из Одессы оккупантов, не насчитали и шестисот евреев. Волосы вставали дыбом от этих цифр.

Первая карательная акция после захвата Одессы: кучу народа (евреев, военнопленных) согнали в пустующие пороховые склады за городом и сожгли. Евреев расстреливали, вешали на столбах и деревьях, угоняли в Германию в качестве дармовой рабсилы, отправляли в концлагеря в Одесской области, где неизбежная смерть была лишь вопросом времени.

900 дней оккупации – две стороны одной медали. Одна страница – героическая, другая – постыдная. Румыны на здании своей администрации установили подобие почтового ящика «для жалоб и предложений». Потом передумали, убрали – ящик переполнялся каждый день, не успевали читать. В городе видели машину с громкоговорителем, она вещала единственную фразу: «Одесситы, прекращайте доносить друг на друга!»

Местных жителей приглашали на службу во вспомогательную полицию – желающих было так много, что устраивался конкурс. Местные работали при оккупантах водителями, поварами, уборщиками, прачками, занимались вопросами снабжения, служили в полиции порядка, охраняли и конвоировали арестантов, приводили в исполнение смертные приговоры. Слово «дворник» стало символом доноительства. Знающие люди тихо говорили: если отправить на Колыму всех, сотрудничавших с режимом, то Одесса опустеет, а Колыма распухнет...

За месяц органы НКВД задержали несколько тысяч человек. За многие художества следовало расстреливать на месте. Заместитель первого секретаря обкома товарищ Садовный, которому поручили возглавить подполье, сгрузил это дело на своего заместителя – и тот сдал сигуранце три сотни подпольщиков, которых немедленно расстреляли. В успешную партизанскую группу товарища Молодцова румыны внедрили своего агента – бывшего капитана Красной Армии молдавской национальности – и группа в полном составе переехала в застенки...

– Разрешите, товарищ майор? – В помещение заглянул капитан Казанцев.

– Входи. Уже закончили?

– Работаем. Ребята – кто где. Признаться честно, товарищ майор, все из рук валится. Невозможно привыкнуть к тому, что Огаревича и Еременко больше нет. Еще утром всем составом работали. Огаревич хвастался, что припрятал бутылку армянского коньяка, нужен только повод и полчаса свободного времени, чтобы ее выпить... Ладно, не о том я. Держите, из личных дел вырезали. Собственно, за этим и заскочил. – Капитан положил на стол несколько фотографий. – Это Калымов, его секретарша Амусова, начальник 4-го гаража Рыхлин и рабочий Штыренко.

Алексей бегло просмотрел фотоснимки. Обычные лица советских людей, в них не было ничего примечательного. Секретарша, невзирая на возраст, была миловидной, смотрела на фотографа с лукавинкой.

– Хорошо, спасибо. Что-нибудь уже выяснили?

– Эту четверку как корова языком слизала. Подозреваем, их переправили в катакомбы и в скором времени будут выводить за линию фронта. Пользы от них уже нет – такие снимки есть у каждого постового. Банда идеально влилась в наше общество – люди не верят, что они были не теми, за кого себя выдавали. Видно, в школе по подготовке диверсантов получали хорошие отметки...

– В партизанском движении эти четверо не участвовали?

– Таких сведений нет, товарищ майор. И коллегам об этом неизвестно. Участвуй кто из них в партизанском движении, это бы не скрылось. Рыхлин и Штыренко во время оккупации находились в городе. Сведений о сотрудничестве с оккупантами не имеем – помимо их работы, конечно. Но это мелочовка. Рыхлин трудился на судоремонтном заводе, там латали немецкие катера; Штыренко – в трамвайных мастерских. Первый развелся перед войной, семья неизвестно где. Штыренко – холостяк. Сведения о родственниках отсутствуют. Имеются адреса квартир. По местам проживания устроены засады, но сомнительно, что они туда придут. По свидетельству коллег, оба нелюдимые, неразговорчивые, часто задерживались после работы. Амусова и Калымов прибыли в город с первой волной – 12 апреля текущего года. Калымов – местный, служил в армии на капитанской должности – был зампотехом в автомобильном батальоне. Ранение, госпиталь, перевелся на гражданку, жил в эвакуации в Липецкой области, член партии. Семья, судя по личному делу, осталась в Липецке, но, убежден, что это разработка абвера и факт едва ли достоверный. Эти сведения – поверхностные, будем копать дальше.

Амусова родом из Ворошиловграда, появилась в Одессе в тот же день, что и Калымов, кандидат в члены КП(б)У, проживает в общежитии текстильной фабрики, где имеет собственную комнату, хорошо знакома с заместителем районного секретаря товарищем Былининым... Это амурная история, которую она всячески выпячивала. Товарища Былинина, разумеется, проверят после соответствующего разрешения, но это нам ничего не даст...

– Товарища Былинина искренне жаль, – усмехнулся Алексей, – поскольку потеряет он не только репутацию. В следующий раз будет разборчивее в связях. Что-нибудь еще?

– Да. На улице Некрасовской нашли и не смогли опознать мужской труп. Сейчас над ним колдуют милицейские криминалисты. Нашли за мусорной свалкой, недалеко от спуска в канализационный коллектор. Мужчина средних лет, без характерных примет, одет в штатское, при себе никаких документов. Несколько пулевых ранений. Единственное, что смог сказать медик – застрелен из ППШ. Какое-то время жил, его тащили, оторвали каблуки... – Казанцев многозначительно замолчал.

– Наша работа, хочешь сказать?

– Так и есть, товарищ майор. Один из тех, кто на нас напал. Сообщники пытались его вытащить, но, видать, совсем был плох – помер. А может, добились, чтобы не мучился, и выбросили в первом попавшемся безлюдном месте. Следы ведут в коллектор. Пытались туда спуститься, но такие лабиринты, товарищ майор...

– Хватит, уже спустились. И эти последствия еще разгрести и разгрести. Сдох – и ладно. Надо распространить его посмертное фото, может, кто узнает.

– Сделаем.

– Хотя, я сомневаюсь. Сумей его опознать с последующим ущербом для банды, не стали бы выбрасывать на свалку. Сожгли бы, на худой конец обезобразили лицо. Что на автобазе?

– Персонал изолирован, проводятся допросы. Собираем сведения по подозреваемым. В штате гаража двенадцать человек, и все как один твердят, что ничего не знали. Рыхлин и Штыренко вели замкнутый образ жизни, с народом не откровенничали. Иногда оставались после работы под разными предлогами. Работники милиции, кстати, недовольны. Они получили приказ содействовать контрразведке, но все равно ворчат. Мол, раз убили смершевца, так пусть СМЕРШ и расследует. Вслух претензии, конечно, не высказывают, боятся...

– Пусть только попробуют высказать. Надо поработать с вахтерами. Доставляли же какие-то грузы, вводили и выводили посторонних – и чтобы вахтеры ничего не знали? Не поверю. Об этом знали бы даже слепые и глухие.

– Возможно, товарищ майор, – сокрушенно вздохнул капитан. – Посторонних на автобазе в ночное время иногда замечали, но начальству виднее, значит, так надо. Проблема в том, что в ограде за 4-м гаражом обнаружен замаскированный лаз. Там устроили свалку, и дыру засечь не так-то просто. Классика. На вид все цело, но две доски можно отогнуть и вынести с территории хоть слона. А за забором – лог, частный сектор, в котором половина домов пустует. Можно вывести и привести целую роту...

– Паршиво...

– Опросили людей на Лазаревской улице, где злоумышленники бросили машину. Их видел в окно местный пьяница. Мужчина – инвалид, из дома не выходит, глушит горькую и сутками сидит у окна. Откуда добывает средства на выпивку – загадка. Но этот вопрос не к нам. Мужуку плевать на все, бывший фронтовик, но участкового боится. Он видел, как машину загнали в тупик, двое ехали в кабине, двое в будке, мужчина помог спуститься женщине. По описанию – наши клиенты. Вели себя спокойно, не разговаривали, не ругались. Закрыли машину, спустились в овраг... Инвалид еще не выпил, только собирался, поэтому был в относительно ясном уме и трезвой памяти. Сам прыгает на одной ноге, а бил себя копытом в грудь, дескать, я за советскую власть последнее здоровье отдал...

– В Одессе это широкая практика, – усмехнулся Лавров. – За годы оккупации похвастаться городу нечем. С оккупантами сотрудничали тысячи, стучали друг на друга с упоением. А теперь вдруг все такие чистые, беззаветно боролись с захватчиками...

– До смешного доходило, – поддержал Казанцев, – в НКВД в первую неделю после освобождения очереди из таких выстраивались. Одни сами приходили, других гнать пришлось. Конвойных не хватало, чтобы доставить всех этих «борцов с оккупантами». Мы потом объяснительные читали, ржали, как подорванные. Некий Кравчук открыл сапожную мастерскую – специально, как он уверял, чтобы нанести вред немецко-румынским оккупантам. Мол, некачественно чинил обувь – кому-то гвозди забывал прибить, чтобы подошва отвалилась, другим задники подбивал, чтобы ноги стирали и воевать не могли. Смех да и только. Да попробовал бы он халтурить – мигом к стенке бы поставили... Одна семейная пара, фамилия, дай бог памяти... Тарасенко, открыла питейное заведение на улице Ланжероновской – специально по заданию подполья, чтобы спаивать оккупантов и тем самым проводить подрывную работу с целью ослабления вражеской власти. И так убедительно рассказывали, перебивали друг друга – заслушаешься. Внесли, в общем, свой вклад в правое дело. Сейчас они на Колыме, раскаиваются сильно – ну, если доехали... А еще одна деятельница, до революции владела небольшим кафе, и органы ее проморгали – при фашистах открыла закусочную, кормила господ офицеров деликатесами, расшаркивалась перед ними, лично бежала к каждому посетителю с поклоном. Так разорялась на допросе, прямо с пеной у горла: мол, не просто так угощала офицеров, а скармливала им мышьяк – небольшое количество, чтобы не сразу подействовало, а постепенно, и ее заведение осталось вне подозрений. Неиссякаемая фантазия у одесситов, товарищ майор. Не поверили ей только, неоднозначная репутация у дамочки – там вроде на расстрел тянуло... В Одессе даже для научных сотрудников при немцах нашлась работа, представляете? В мае 42-го создали, ни много ни мало, институт антибольшевистских исследований – на полном серьезе, проводили углубленную научную работу, читали лекции, устраивали встречи с представителями других порабощенных народов... Слово «порабощенных» я взял в кавычки, товарищ майор, – спохватился Казанцев.

– Я понял. Ну, и где они сейчас, эти ученые мужи?

– Кто где. Одни дельфинов в море кормят, другие с немцами сбежали, третьи выкрутились и будут обучать наших студентов основам марксизма-ленинизма. Увы, товарищ майор, всех привлечь к ответственности не удастся, слишком большой процент горожан сотрудничал с оккупантами. Но были случаи не тяжелые – лет на пять-шесть сибирских лагерей, а были и такие, что спускать нельзя... Заговорился я с вами, – спохватился офицер. – Побегу, наши до сих пор на автобазе работают...

Оперативник козырнул и испарился. День клонился к вечеру, голова была пустая, как котелок голодного пехотинца. Напевая под нос «На Дерибасовской открылась пивная», Алексей придвинул себе тонкую стопку личных дел сотрудников отдела, стал их перелистывать. Дела Огаревича и Еременко убрал подальше – мир их праху. С живыми надо работать.

Самому старшему – Валентину Бабичу – было тридцать пять, самому молодому – Павлу Чумакову – двадцать шесть. У всей четверки – солидные послужные списки.

Казанцев учился на техника-инженера в калужском филиале московского технического вуза, имел диплом, но на гражданке не работал ни дня. Офицерские курсы перед войной с белофиннами, брал Выборг, потом – работа в Особом отделе, Карельский фронт, перевод – закалял душу и тело в волховских болотах, снова перевод – в южную группу войск, теперь уже в качестве сотрудника контрразведки.

Пашка Чумаков, уроженец Астрахани, служил в батальонной разведке. Отличился в Орловско-Курской операции, когда сломали хребет фашистскому зверю, перевелся в новое ведомство – СМЕРШ, ловил шпионов и диверсантов под Смоленском. В Отдельной Приморской армии оказался перед началом Керченской операции глубокой осенью 1943-го, участ-

вовал в освобождении Николаева, потом был переброшен в Одессу, когда в освобожденном городе начался кадровый голод.

Осадчий – родом из Запорожья, Бабич – из сибирской глубинки, где до войны работал участковым милиционером. В первые военные годы оба служили в особых отделах, перевелись из-под опеки НКВД в Наркомат обороны – продолжали выявлять вражескую агентуру в советском тылу. Бабич был женат – семья в полном составе дожидалась кормильца в Читинской области, репрессиям никто из них не подвергался, отец работал на оборонном заводе.

Семье Осадчего повезло меньше – родители погибли под бомбежкой во время эвакуации, один из детей скончался от вспышки тифа на пересыльном пункте. Большая супруга с дочерью проживали в Пензе, как-то выкручивались, жена подрабатывала в бухгалтерии на хлебном комбинате.

Алексей захлопнул последнюю папку, задумался. Самого изрядно потрепало. Жениться не успел, перед войной встретил женщину своей мечты – провели вместе пару дней и поразились. Учились в одном классе, не замечая друг друга, у каждого была своя компания. Юлька похорошела, да и он, по ее словам, возмужал и стал чертовски хорош. Искра проскочила – и что ей раньше мешало? Девушка окончила медицинский институт, работала хирургом, а он уже носил шпалы в петлицах, а на родину, в Севастополь, прибыл в отпуск. Все произошло стремительно, любовь до гроба, невероятные ощущения, уладил вопрос, чтобы взять ее с собой в Минск, подыскал достойное место в республиканском госпитале... И вдруг – 22 июня, «Киев бомбили, нам объявили...» Спешным порядком обратно в часть, Юлька рыдала, умоляла остаться живым. Злая ирония – он-то выжил, а Юлька, как написали родители из эвакуации, погибла под бомбежкой. Фашисты утюжили Северную бухту, а Юлькин госпиталь находился на улице Ленина недалеко от Артбухты и Графской пристани... Он наводил справки по собственным каналам, требовал подтверждения. Все оказалось верно: девушка погибла, выводя раненых из госпиталя. Бомба разорвалась неподалеку... Тоска обуяла страшная, ходил черный, бездумно рисковал, потом опомнился, взял себя в руки. Но на душе остался жирный рубец. Под Керчью не сдержался, лично расстрелял экипаж немецкого бомбардировщика – самолет подбили, пилоты выпрыгнули с парашютами и рассчитывали на уважительное отношение в плену. Начальство прикрыло, предложило раз и навсегда остудить голову, пока не довел себя до греха...

Он воевал на Северо-Кавказском фронте, участвовал во взятии Крымского плацдарма, шел с войсками, освобождающими Николаев. Восемь дней назад получил постановление о переводе в Одессу, где обстановка складывалась не радужная. Сначала присматривался, ходил по городу. С полковником Лианозовым беседовали на нейтральной земле – оба были в штатском. Начальство выделило старенький ГАЗ-64 под служебные нужды, предоставило пустующую квартиру на Молдаванке – с расчетом, чтобы посыльный мог добежать за восемь минут.

В свободные часы Лавров бродил по старой Одессе, где не был несколько лет, побывал на Потемкинской лестнице, любил пройтись по Приморскому бульвару, где в вечерние часы опять становилосьлюдно. Навестил Маразлиевскую улицу, где строили самые красивые в Одессе дома, Малую Арнаутскую, Дерibasовскую – переименованную в улицу Чкалова, хотя новое название не приживалось. Не все так плохо было в Одессе. Насчет сотрудничества с оккупантами... Предателей и соглашателей набралось достаточно, и все же население сопротивлялось. В катакомбах прятались партизаны, устраивая вылазки, работал подпольный обком, по городу были разбросаны ячейки сопротивления. Подпольщики провели не одну успешную акцию. Самая блестящая – взрыв «дома офицеров» на Маразлиевской улице, где под обломками погибли две сотни высокопоставленных румынских и немецких офицеров.

В плен перед уходом из Одессы угодил румынский офицер, при нем нашли любопытные документы: в частности, указывались здания, где планировалось разместить оккупационные учреждения. План сработал. Для сигуранцы выбрали здание НКВД – добротное, краси-

вое. Румынам решили устроить подарок на новоселье. Здание тайно заминировали – огромное количество взрывчатки заложили в подвал. Для отвода глаз оставили несколько мин, небрежно замаскировав. Здание было целое, с сохранившейся мебелью – хоть сразу вселяйся.

Румыны клюнули – поверили, что бывшие хозяева бежали в спешке. 22 сентября 1941 года в здании собралась оккупационная знать – нацистское собрание, а затем неофициальная часть. Подпольщики отправили по радио сигнал в Севастополь. Оттуда вышло невзрачное судно, подобралось к Одессе, и капитан отправил радиосигнал. Здание взлетело на воздух, никто не выжил. Но за веселье заплатили. Людей хватали без разбора, вешали на деревьях и фонарных столбах, массово расстреливали. За жизнь двух сотен нацистов отдали жизни пять тысяч горожан...

За время оккупации погибли больше 80 тысяч одесситов – в большинстве были евреи. Столько же угнали на работы в Германию. Подпольщиков уничтожали поодиночке, группами. Устраивались облавы на партизан. Катакомбами люди пользовались не один век. Все, кто скрытно обделывал свои дела, – воры, контрабандисты, революционеры, партизаны... Под Одессой действовали 15 партизанских отрядов, участь большинства из них оказалась незавидной. Катакомбы были удобные – позволяли атаковать практически в любом месте и быстро исчезать. Попытки оккупантов проникнуть в подземелье успеха не имели – в лабиринтах трудно найти дорогу. Даже партизанам приходилось искать проводников – людей, знакомых хотя бы с частью ходов.

Немцы накачивали в катакомбы ядовитый газ, но и это не помогало – газ рассеивался и вытягивался сквозняками. Выжить под землей было тяжело – сильная влажность, 15 градусов по Цельсию в любое время года. Часть подземелий затапливалась. Одежда постоянно мокрая. Под городом царил мрак и тишина – людям с нездоровой психикой там делать было нечего. Случались нервные срывы, приступы паники, зрительные и слуховые галлюцинации. Многие сходили с ума.

Оружие и патроны чистили каждый час – все моментально покрывалось ржавчиной. Раны не заживали – гнили, пострадавших прятали на поверхности у надежных людей. У партизан был бледный цвет лица – на поверхности приходилось увертываться от шпииков, которые высматривали подозрительных. Партизаны постоянно пользовались факелами и керосиновыми лампами – без них под землей не ступить и шага. Особым шиком считались фонари, отобранные у мертвых солдат. Но фонарей не хватало. Поэтому вид у обитателей подземелья был откровенно закопченный. Мужчины перед выходом на поверхность пользовались женскими румянами, что служило нескончаемым поводом для острот.

Освободили город так же успешно, как когда-то сдали. Погода не баловала, снег превращался в грязь, ударила оттепель. На раскисших дорогах творился хаос. Но распутица не помешала наступлению.

Для немцев стало сюрпризом появление Красной Армии под Одессой. 8 апреля 1944 года город был фактически окружен. Потерь в наступающих войсках было немного, и город при освобождении почти не пострадал. Командующий 3-м Украинским фронтом маршал Малиновский, уроженец Одессы, приказал использовать артиллерию только в крайнем случае. Бои за город продолжались меньше двух суток. В спину фашистам ударили выбравшиеся из катакомб партизаны. Только за сутки они уничтожили больше трехсот солдат, обезвредили мины, которые оккупанты заложили под Оперный театр, Городскую думу, Воронцовский дворец, филармонию, промышленные предприятия, причалы и склады морского порта. Эвакуация морем вражеских войск тоже была сорвана – авиация нанесла удар по судам в акватории порта. Бои шли, как в Сталинграде, за каждый дом, за каждый квартал.

Все закончилось утром 10 апреля. Город был полностью освобожден. Красное знамя заалело на спасенном Оперном театре...

Изучать архивные документы, доносы, докладные, рапорты, оперативные сводки было неблагодарным делом. Волосы шевелились. В ночь на 10 апреля, за несколько часов до бегства, на улице Островидова гитлеровцы согнали в подвал несколько десятков мирных жителей и сожгли их заживо – без всяких объяснений и предпосылок. Евреев, начиная с 41 года, свозили в Прохоровский сквер, откуда начиналась скорбная дорога в село Богдановку и далее – по концлагерям. На задворках Прохоровского сквера вскрылось захоронение – не меньше сотни скелетов. Немцы расстреливали детей и немощных стариков, неспособных работать... В трущобной Бугаевке засел отряд карателей, сформированный из граждан Советского Союза. Костяк банды составляла «инициативная группа бывших офицеров и нижних чинов Российской императорской армии». Фактически зверье, ненавидящее коммунистов и евреев. Терять им было нечего, из города вырваться не удалось. Рассчитывать на милость советской власти не приходилось. Они упорно отбивались из всех видов имеющегося вооружения, поставили пулеметы вдоль улицы, расстреливали в упор наступающих красноармейцев. Несколько раз пытались вырваться из западни, но их загоняли обратно. Пришлось подтащить минометную батарею и ударить из всех стволов. Полтора часа продолжался обстрел, пока не замолчал последний «шмайссер». Десять зданий превратились в руины (трущобный район, невелика ценность), но банду уничтожили полностью, не оставив от нее никаких воспоминаний...

Полковник абвера Вернер Хост был в некотором роде старым знакомым Лаврова. Взаимных теплых чувств они не испытывали, но признавали достоинства друг друга. Вернер Хост возглавлял абвершколу в Западной Галиции в городке Мегреб – «кузницу кадров» с 1939 года, готовящую диверсантов для заброски в советский тыл.

К делу полковник подходил творчески, с фантазией, тщательно планировал операции, большое внимание уделял человеческой психологии. Хост не являлся поклонником Адольфа Гитлера, но ложного патриотизма не был лишен и воинский долг в своем понимании выполнял. С творениями этого «Франкенштейна» судьба столкнула майора и под Орлом, и в Брянске со Смоленском, и на Северном Кавказе. В Керчи группа, возглавляемая Лавровым, попала в засаду – мотоциклисты в красноармейской форме были весьма убедительны. Удача помогла и на этот раз, но погибло много людей. Командир отряда мотоциклистов на допросе признался, что группу отправил лично полковник Хост – для уничтожения оперативного отдела СМЕРШ, подобравшегося к его агентурной сети.

По такому случаю Вернер Хост оставил уютную Галицию, временно прибыл на территорию Советского Союза и в данный момент находится в пятнадцати километрах от места проведения акции! У Лаврова аж дух захватило. Его действия носили иррациональный характер, но имелась реальная возможность схватить своего личного врага! Группа бойцов специального подразделения проникла во вражеский тыл, под видом румынских солдат навестила деревню, где размещался отдел военной разведки. Подвело незнание румынского языка. Пришлось отступить с боем, не выполнив задачи.

Он лично видел Хоста, и Хост его видел – он узнал человека, по вине которого дважды срывались его «блестящие» операции. Познакомились, так сказать...

Двое бойцов при отходе получили легкие ранения. Все выжили – иначе бы до конца жизни себе не простил! В первой декаде мая Лавров прибыл в Одессу, получив приказ о переводе из фронтового Управления.

«Твой знакомец?» – показал полковник Лианозов фотографию. Будь майор служебной собакой, тут же сделал бы стойку! Полковник Хост позировал на фоне дорогого немецкого автомобиля, в который, по задумке фотографа, намеревался сесть. У него был хитрый взгляд, рот скривила иезуитская гримаса. «Он здесь?» – поразился Алексей. «Вернер Хост – не самоубийца, – отрезал Лианозов. – Но в Одессе он был – в феврале-марте – и оставил нам мину замедленного действия...»

С партизанами, действовавшими в одесских катакомбах, имелись неясные моменты. Не все они подчинялись подпольному обкому, имели собственное видение момента и программу действий. У других вообще никакой программы не было – нападали там, где удобно, наносили ущерб и прятались в подземельях. Взаимодействия между отрядами носили случайный характер. Многие командиры просто не знали, кто бьется рядом, и часто случались недоразумения, даже со смертельным исходом.

9 и 10 апреля партизаны помогли Красной Армии освободить город. Но до этого, еще в марте, несколько отрядов были разгромлены, а группу товарища Лавочкина, бывшего председателя районного совета, уничтожили полностью. Каким образом карателям удалось выйти на их след, осталось загадкой. Партизан блокировали в катакомбах и методично убивали одного за другим. В акциях наряду с солдатами Ваффен-СС участвовали местные полицейские.

«К нам попал офицер немецкой разведки гауптман Рудольф Шлехтер, – сообщил Лианозов. – Остался один при отступлении, две недели отсиживался в частном доме, а когда съел всю ботву на огороде, пошел сдаваться. Можешь с ним пообщаться, гауптман у нас. Уверяет, что здесь жил и работал Вернер Хост и убыл из города за неделю до его освобождения. Хост лично создал агентурную сеть... и не только. Зачем им это надо? Не знаю. Возможно, планируют вернуться. Или использовать эту сеть в дальнейшем, когда у Хоста сменятся хозяева. Врать Шлехтеру незачем – он не служил в СС, не упертый нацист, с верой в Бога также проблемы – в сказочки про спасение души не верит. Он хочет выжить, а если и попасть за решетку, то ненадолго.

Рудольф Шлехтер произвел неплохое впечатление. Он был бледен, истощен, но сносно держался. Врать ему действительно было незачем, а секретными сведениями он владел в полном объеме – насколько позволяла должность. По словам Шлехтера, Вернер Хост создал фиктивный партизанский отряд, который спрятал в катакомбы и которому позволил провести несколько акций. А если быть точнее, сам же их и спланировал, пожертвовав энным количеством солдат и материальных ценностей.

Лавров не поверил – ерунда какая-то.

«Я тоже сначала не поверил, – признался Лианозов. – Но почему же «нет», когда «да»? Шлехтер не лукавит. Зачем такое выдумывать?»

Проверить затею оказалось возможно. Чем Хост рисковал? Только жизнями бывших граждан СССР – пусть и преданных ему со всеми потрохами. Эти люди находились в тени, открыто с нацистами не сотрудничали, их берегли в качестве козырей на всякий пожарный случай. Убежденные противники советской власти, и на дело подписались без принуждения. Задача, поставленная абвером, – занять свою нишу в местном партизанском движении, связаться с командованием других отрядов и для убедительности провести пару акций (разрешилось пожертвовать жизнями десятка солдат). Когда будут собраны все сведения, карательные части ликвидируют партизан, тем самым облегчив себе жизнь в перспективе наступления Красной Армии. А если все же придется сдать город, то эти люди еще пригодятся.

Мнимым партизанам предписывалось обустроить базу в катакомбах, держать связь через верных людей, использовать рации на определенной частоте. Всех партизан в итоге карателям уничтожить не удалось, но несколько отрядов они разгромили. Теперь задача этого «троянского коня» – остаться в городе после ухода немцев, частично легализоваться, устраивать диверсии на важных военных объектах. Наводить на последние будет резидент немецкой разведки – он же командир ложного партизанского отряда. Возможный псевдоним – «Фауст»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.